

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.7

Л.А. Дыркова

ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОГО МЕССИАНСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

L.A. Dyrkova

EVOLUTION OF RUSSIAN MESSIANISM IN SOCIO-CULTURAL CONTEXT RUSSIAN HISTORY

The article is devoted to the theme, actual for the modern Russian society, trying to find the new national idea. The author investigates modifications of messianic sights, since their genesis. The historiosophical problematic of a place and a role of Russia and Russian people in a world history – one of central in the Russian idea is considered. The author gives special attention to transformations of orthodox Messianism in proletarian, to tragical consequences of a policy of its realization in a history of the Soviet state, and also to modern self-identification searches of comprehension of the Russian way in the world.

Попытки осознать свое место в мире и высокое предназначение русского народа предпринимались во все времена российской истории. Представляется возможным выделить генезис и несколько этапов эволюции русского мессианства в российском культурно-историческом пространстве. Историософский концепт об избранности русского народа уходит корнями в ранние периоды российской истории, что обусловлено подъемом национального самосознания в связи с принятием христианства. Уже в XI в. в «Слове о законе и благодати» митрополита Иллариона проявились истоки русской идеи как комплекса национальных мессианско-эсхатологических представлений об особом пути России во всемирной истории, о богоизбранности русского народа.

В изменившихся исторических условиях после падения Константинополя (Nea Roma) сам Бог предназначил Московское государство стать преемником Византии [1]. Русь выступает преемницей наследия Вавилона, Рима и Византии, возвеличивается московская династия и оформляется идея русского царя. В концепции «Москва – Третий Рим» в посланиях старца Филофея была высказана мысль о божественном замысле перемещения мирового центра в Московию, которая единственная сохранила в чистоте веру Христову. В мессианской идее Москвы как Третьем Риме, отмечал Н.Бердяев, проявилась двойственность русского мессианского сознания. С одной стороны, это религиозное призвание Руси хранить истинное христианство, удерживая мир от прихода Антихриста. С другой, оно связывалось с величием русского государства и харизмой царя – как преемника римских и византийских императоров и наместника Бога на земле [2]. Н.Бердяев считал, что заботы об осуществлении земного царства ослабляли мессианско-эсхатологические элементы концепции Филофея. В акцентировании мощи государства, империи, могущества царской власти были заложены причины будущей духовной несостоятельности и провала этой мессианской идеи. Об этой двойственности свидетельствуют споры между стяжателями и нестяжателями, популярные в народе мифы о Святой Руси как воплощении царства Христова на земле и святом правителе, святость которых не зависела от существования Московского царства и царя, как антитеза официальной теории [3].

Религиозный раскол, вызванный реформами Патриарха Никона, привёл к противостоянию народа с государством и царём-Антихристом, породил сознание богооставленности русского царства, ожидания Апокалипсиса и Божьего Суда. Возникло противостояние идеи «Москва – Третий Рим» и образа «Святой Руси» как двух основополагающих русских идеалов – политического и сакрального, которые, то противостоя друг другу, то причудливо переплетаясь, пронизывали всю тысячелетнюю историю России [4]. То, что эти концепции не были взаимоисключающими, отмечает английский исследователь П. Дункан [5]. В концепции «Москва – Третий Рим» проявилось, на наш взгляд, и своеобразие русской культуры, когда сознательное восприятие иных культурных моделей и концептуальных схем приводит к возникновению существенно нового феномена, не похожего на заимствованный образец.

Модернизация страны, подчинение церкви государству, связанные с петровскими реформами, означали отход от русского мессианства с православным контекстом. Не случайно принятый Петром I императорский титул вызвал протест, так как он воспринимался как неправославный, а в культурном сознании соотносился с нерелигиозным, светским началом. В народе Петр I ассоциировался с царём-Антихристом. Строительство новой столицы, Санкт-Петербурга, символизировало отказ от московской традиции и нанесло ещё

один удар по концепту «Москва – Третий Рим». Но его имперские аспекты, идеи государственности оставались привлекательными и для последующих российских правителей.

Новый этап развития русского мессианства приходится на 30-40-е гг. XIX в. – период проявившегося кризиса феодально-крепостнической системы. Разочарование в идеологии Просвещения, в вере в универсальный разум привели к ориентации на национальную культуру и трансформации мессианских представлений среди образованной части русского общества. В спорах о богоизбранности имя П. Чаадаева занимает особое место. Мы полагаем, его взгляды послужили своеобразным катализатором оформления двух векторов в осмыслении пути России – традиционалистского и прозападного. Размышления над российской историей привели философа, в конечном итоге, к осознанию принадлежности России как Западу, так и Востоку, особенностей менталитета её народа, благодатной роли православия. В его рефлексиях отчётливо звучат мессианские идеи, что самой природой России предначертано быть высшим совестным судом, решить большую часть проблем социального порядка, что русскому народу предназначено ответить на важнейшие вопросы человечества, потому что его таинственно определяет логика Провидения, а не законы разума. В этом, по мысли П. Чаадаева, и заключена идея России.

Славянофильская формула мессианства связана с формой русской идеи как идеи национальной. Её суть в том, что Россию славянофилы рассматривали как самобытную восточнохристианскую державу, сохранившую, в отличие от Запада, систему фундаментальных ценностей. Православие и община, их особая духовность и общинный коллективизм, по мнению славянофилов, не только уберегут Россию от революционных потрясений и обеспечат органический мирный путь развития. Они есть залог её особого пути, её особой миссии – ответственности за судьбу грядущего спасения не только загнивающего Запада, но и всего человечества.

Сторонники официальной народности как одной из разновидностей мессианских взглядов традиционалистского крыла в неприятии петровских реформ, западных либеральных и социалистических идей, в вере в особую миссию русского народа были близки славянофилам. Но последние восхищались русским народом, особенно крестьянством, а не государством, и протестовали против отсутствия свободы.

В пессимистическом отношении к настоящему, в надежде на великое будущее России, в оптимистической вере в её вселенскую миссию мессианские идеи П. Чаадаева и славянофилов близки. Но в чаадаевской версии русское мессианство использовано для поддержки и оправдания реформ Петра I, тогда как славянофилы апеллировали к русским традициям, которые он разрушил. П. Чаадаев обращается к элите как главной силе развития России, а славянофилы – к простому народу как хранителю русских традиций.

Взгляды славянофилов, не оформленных в организованную группу с чёткой доктриной, различались и видоизменялись в течение жизни, трансформируясь во множество направлений, сохранивших мессианское ядро. Одним из них явился, например, панславизм, к которому примкнули сторонники официальной народности. Это и идея К. Аксакова о создании независимых славянских государств под эгидой России. У Ф. Тютчева она вылилась в эсхатологические мессианские ожидания решающей борьбы между Востоком и Западом, захвата Константинополя и создания Православного царства. Взгляды И. Киреевского на Крымскую войну как «священную войну» России против католической Франции и её союзников также были выражением этой темы. Тема самопожертвования русского народа ради освобождения братьев-славян во время Крымской войны звучала в полную силу. В образе России как Божьего оружия в войне представил её А. Хомяков. Таким образом, освобождение славянских народов становилось национальной мессианской задачей, связанной с геополитическими целями государства. Россия должна стать мессией не для всей Европы, а только для славян, т.е. акцент с религии перемещался к расе. Эти взгляды получили дальнейшее развитие в 70-е годы XIX в., у Н. Данилевского и К. Леонтьева.

В развитии русского мессианства, на наш взгляд, особо следует отметить роль русской литературы XIX в. с её человечностью, состраданием и нравственными исканиями правды. Аспекты национальной мессианской судьбы как духовной и исторической миссии поднимались во многих литературных произведениях. У А. Пушкина мы видим образ России, страдающей и проливающей кровь ради спасения других, защитившей Европу от татаро-монгольских орд. Поэт напоминал, что Русь кровью заплатила за «вольность, честь и мир» Европы и советовал «клеветникам» России не вмешиваться в «домашний» спор славян. Об уникальности русской души и призвании русского народа создать новую христианскую культуру писал Н. Гоголь. Он пророчествовал о времени, когда в русской земле, как нигде в мире, будет праздноваться Воскресение Христово. В спасении Европы от революции видел священную обязанность России Ф. Тютчев. Как отмечает английская исследовательница П. Дэвидсон, пророческий статус русских писателей связан с поддержкой русской идеи в той или иной форме, с мессианским подтекстом их понимания духовной и исторической миссии России (6). По мере возрастания мессианских интерпретаций судьбы России укреплялось и представление о пророческой миссии русского писателя.

Особое место в развитии концепции мессианства как ключевого момента русской идеи принадлежит Ф. Достоевскому. Его взгляды есть почвенническая трансформация мессианства. Писатель впервые высказал

мысль, что нация только тогда имеет право на жизнь, когда она жаждет служить человечеству. В этом контексте он верил, что русский народ – это носитель идеала «Православного Христа», «народ – богоносец». С православием, а не провидением связывал он мессианскую роль России (всеслужение человечеству, восприимчивость народов, объединение славян).

«Славянский мир» и стоящая во главе его России – вот та сила, которая, по мысли В. Соловьёва, воплощает в себе идею единства человечества. В геополитическом положении России как связующем звене между Западом и Востоком находил он доказательства для обоснования своей концепции. В русском народе, несмотря на его «внешний образ раба», мыслитель видел облик распятого Христа и полагал, что религиозная задача и нравственная обязанность России – дать пример нравственной интеграции, исцеления разделенного человечества. В. Соловьёв верил, что русский народ, пройдя через подвиг национального самоотречения, всей своей историей имеет право на избранничество, на мессианскую роль в построении Царства Божия в согласии с другими народами, что и мыслилось совершенным Вселенским единством народов. Идеи В. Соловьёва получили развитие в трудах Н.Бердяева, С.Булгакова, С. и Е.Трубецких, С.Франка и других. Они явились связующим звеном, которое объединило славянофилов и философов Серебряного века во взглядах об особом пути России, об избранничестве русского народа.

Русская идея как выражение национального мессианства, сочетавшего в себе религиозные и этнокультурные принципы избранничества, просто и понятно объясняла, как по образу и подобию Царства Божьего должна быть организована жизнь. Жертвенность, сострадание, терпимость, поиск абсолютной истины и добра, соборность и православие, сохраняемое в первозданной чистоте – вот важнейшие черты русской ментальности, которые дают русскому народу право на особую миссию в продвижении к высоким гуманистическим идеалам и прогрессу.

В новых исторических условиях пролетарских революций была создана благодатная почва для перерождения православного мессианства в пролетарское, а затем советское. Оно, соединившись с марксизмом, который сам являлся мессианской доктриной, где мессианские функции по справедливому устройству мира передавались самому бесправному, страдающему классу – пролетариату. Теория Маркса, попав на русскую мессианскую почву и получив новое наполнение, явила русский марксизм. В нем мессианская компонента русского менталитета не просто совпала («соединилась и отождествилась») с мессианским элементом марксизма, а была, на наш взгляд, усилена мессианской составляющей классического марксизма. Произшёл своеобразный эффект резонанса, усиления русского мессианства в процессе русификации марксизма. По меткому определению Н. Устрялова, «марксова борода» причудливо сочеталась не только с «бакуниным сердцем», но и с мужичьим зипуном» [7].

Конечный идеал будущего – Царство Божие на земле – трансформировался в коммунизм как царство свободы, равенства и братства (в русской версии – всемирное царство рабочих и крестьян). Мировая революция мыслилась как очищение от старого мира, как страшный суд над эксплуататорами, т. е. как своеобразный Апокалипсис. Лозунги Октябрьской революции отвечали глубинным чаяниям русского народа и были созвучны библейским пророчествам и христианским идеалам справедливого общества. Отсюда и тот энтузиазм масс, с которым они взялись переделывать весь мир.

Пролетарское мессианство, вытеснившее христианскую мораль, само стало новой атеистической религией. Мессианские функции «народа-богоносца» декларативно проецировались на пролетариат, а позднее на новую историческую общность «советский народ», миссия которого заключалась в освобождении трудящихся всего мира. Во время Второй мировой войны эта миссия трансформировалась в освобождение народов от нацизма. Однако фактически в Советском Союзе в условиях тоталитарного режима партийно-советская номенклатура присвоила себе право проводить классовую политику от имени пролетариата и тем самым осуществлять мессианские функции.

Мессианские ожидания иссякли в советском обществе в 70-80-е гг. XX в. Накопление негативных явлений в разных его сферах вызвало закономерный отказ от командно-бюрократической системы, необходимость реформирования России, желание встроиться в открытое европейское сообщество.

Деконструкция советского тоталитаризма, трансформационные процессы в обществе вызвали новый всплеск самоидентификационных поисков. Пренебрежение ментальными основами русского национального сознания обернулось негативными результатами реформ. Разочарования в западных либеральных ценностях актуализировало в российском социуме осмысление новой национальной идеи как общего смысла бытия и путей его достижения.

Самоидентификационные поиски отражают широкий диапазон осознания российского пути в мире: от западных моделей до мессианских идей особого предназначения России, но в новом социокультурном контексте и в новых условиях вызова времени. Большинство современной интеллигенции в условиях враждебности Запада к России, противостояния двух типов цивилизаций приходит к осознанию самобытности русского мира, превосходства русского менталитета в силу особой духовности, неприемлемости «чуждой» модели развития. Тема исторической и культууроформирующей роли православия в судьбе России занимает

особое место в данных концептах, представленных в работах, в выступлениях писателя А. Солженицына, философа А. Дугина, историка и политика Н. Нарочницкой, политолога С. Белковского и др. Они выступают против политики прозападной, компрадорской элиты, стремящейся одеть страну в чуждые «одежды», скроенные не по «фигуре», по чужим лекалам и фасонам. В данных конструктах ключевое место занимает тема общенациональной идеи как пути выхода из коллапса, как феномена, способного сплотить народ и разбудить его дремлющие созидательные силы. Они ставят задачу восстановления национально-государственной субъектности, национальных интересов, формирования российской нации с имперской судьбой, трактуют российское великодержавие в историософском смысле как мировой феномен, удерживающий мир от энтропии, от смешения добра и зла. Россия есть мощная альтернатива западной цивилизации, путь русского народа в мировой истории отражает судьбу человека и человечества в его нравственном поиске. А для того чтобы выжить, нам надо «уверенно продолжать быть русскими» [8], ибо непременным условием успешного исторического бытия любого народа есть триединство духа, души и тела – веры, культуры и национальной государственности. В противовес американскому мессианству допустимо принятие мессианства русской идеи, возрождение русских духовных ценностей и патриотизма, обустройства своей земли, «Сбережения Народа». Россия призвана быть своеобразным мостом между двумя океанами. Сочетая коллективизм и активность личности, её задача заключается в создании проекта организации европейского суперконтинента в интересах всего планетарного сообщества.

Необходимо возвращать на всём пространстве современной цивилизации единую систему нравственных ориентиров (добро/зло). Она способна дать «узлы-связки» между различными моделями устройства мира, коренящимися в неодинаковом религиозном опыте, включающем и атеизм как отрицание религии. Стыковочные конструкции необходимы и для формирования многоукладной и жизнеспособной цивилизации, и для мирного сосуществования цивилизационных полюсов. В этом контексте особая миссия России – стать прообразом нового миропорядка, основанного на сущностно едином восприятии абсолютно нравственных ценностей. Россия, в истории и современной реальности которой сосуществуют Восток и Запад, христианство и ислам, религиозность и секуляризм, даёт уникальный пример единства в многообразии и призвана способствовать развитию межкультурного диалога.

Базовые ментальные ценности, культурные традиции российской цивилизации – общинность, коллективизм, патриотизм, устремлённость к воплощению высших идеалов истины, добра и справедливости, равноправия и равноценности всех граждан – несут в себе и некоммунистический вариант русской идеи. «Реабилитация» православия, провозглашение самобытности, исторической преемственности, устремлённости в будущее, духовности и народности, зафиксированные в программе КПРФ, свидетельствуют о трансформации взглядов самой партии в новых исторических реалиях и сохранении мессианского ядра её идеологии [9].

В условиях растущего национального самосознания борьба за национальную идею, за её формулирование и воплощение в жизнь не закончена. Архетипы русских мессианских представлений в трансформированном виде присутствуют в социально-философских доктринах на протяжении всей истории страны. Попытки выделить чистые цвета спектра концепций, выражающих идентификационные параметры и систему координат современного российского социума, вряд ли окажутся успешными, т. к. чётко очерченные границы между ними представляются нам весьма условными. Часто переплетаясь, наслаиваясь друг на друга, они трансформируются в многосложные «полихромные», «полифонические» феномены.

Литература и примечания

1. Елискон Диоклийский Каллист (Уэр). Православная Церковь. – М.: Библейско-Богословский Институт Св. Апостола Андрея, 2001. – 375 с.
2. Б. Успенский полагает, что на Руси обряд интронизации придавал особые коннотации слову «царь», уподобляя его не только Давиду, но и самому Христу. Неправедных монархов именовали на Руси Антихристами, а на Западе – несчастными библейскими царями. Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 144 с. С. 28, 30 – 31, 136.
3. Б. Успенский считает, что уподобление Москвы Третьему Риму появилось позднее. Ранее она эксплицитно воспринималась как «Новый Иерусалим» – святой теократический град. Иерусалим и Рим соответствовали двум пониманиям царств – Царства небесного (Отца и Сына и Святого Духа) и царства земного (христианской империи). Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – Третий Рим» // Успенский Б.А. Этюды о русской истории. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 89 – 148. – С. 94.
4. Громов М.Н. Вечные ценности русской культуры: к интерпретации отечественной философии / М.Н. Громов // Вопросы философии. – 1994. – № 1. – С. 51 – 54.
5. Duncan Peter J.S. Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after. L., NY: Routledge, 2002. – 255 p.
6. Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in Russia Literary Tradition: From Pushkin and Ljazykov through Gogol to Dostoevsky // The Russian Review. An American quarterly devoted to Russian past and present. – 2003. – Vol. 62. – № 4 (October). – P. 508 – 536.
7. Программа политической партии «Коммунистическая партия Российской Федерации». – М.: ИТРК, 2002. – 48 с.; Материалы X съезда КПРФ. – М.: Редакция газеты «Правда России», 2004. – 88 с.; Зюганов Г.А. Святая Русь и Кошечье царство.

– М., 2003. – 263 с.; Зюганов Г.А. Постигание России. – М.: Мысль, 2000. – 510 с.; Зюганов Г.А. Верность. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 446 с.

8. Устрялов Н.В. Интеллигенция и народ// Устрялов Н.В. Национал-большевизм. – М.: Эксмо, 2003. – С. 376- 393.

9. Депутат Госдумы Наталия Нарочническая: «Чтобы выжить, нам надо уверенно ощущать себя русскими»// Комсомольская правда. – 2004. – 2 июня.

Literature

1. The bishop Dioklijsky Kallist Orthodox Church. – Moscow: Biblecal-theological Institute of St. Apostle Andrey, 2001. – 375 p.

2. Uspensky B.A. The tsar and the emperor: on a kingdom and semantics of monarchical titles. – Moscow : Languages of Russian culture, 2000. – 144 p. P. 28, 30 – 31, 136.

3. Uspenskij B.A. Perception of history in Ancient Russia and the doctrine «Moscow – the Third Rome»//Uspensky B.A. Etude about Russian history. – Saint - Petersburg: Azbuka, 2000. – P. 89 – 148. – P. 94.

4. Gromov M.N. Values of Russian culture: to interpretation of domestic philosophy// Philosophy Questions. – 1994. – № 1. – P.51 – 54.

5. Duncan Peter J.S. Russian messianism: Third Rome, revolution, Communism and after. L., NY: Rout Ledge, 2002. – 255 p.

6. Davidson P. The Validation of the Writer's Prophetic Status in Russia Literary Tradition: From Pushkin and lazykov through Gogol to Dostoevsky//The Russian Review. An American quarterly devoted to Russian past and present. – 2003. – Vol. 62. – № 4 (October). – P. 508 – 536.

7. The political party's Program «Communist party of the Russian Federation». – Moscow , 2002. – 48 p.; Materials of X congress of the Communist Party of the Russian Federation. – Moscow , 2004. – 88 p.

8. Ustryalov N.V. Intelligence and the people//Ustryalov N.V. National-Bolshevism. – Moscow : Eksmo, 2003. – P. 376 – 393.

9. The deputy of the State Duma Natalia Narochnitskaya: «to survive – it is necessary to feel confidently itself as Russian» // Kom-somolskaya Pravda. – 2004. – June, 2nd.

Дыркова Любовь Алексеевна – аспирант кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета и хормейстер капеллы Института культуры и искусств Томского государственного университета
e-mail: dyrkova@yandex.ru